

Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе

А.В. Худайкулова, Н.Я. Неклюдов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается проблематика онтологической безопасности. В самом общем виде термин «онтологическая безопасность» отвечает за состояние, в котором отношения субъекта с контрагентами выстраиваются в максимально предсказуемых категориях. При этом акцент сделан на психологических и социальных детерминантах поведения государства. Понятие, ставшее популярным в исследованиях конструктивистов рубежа XX-XXI вв., с точки зрения авторов, всё ещё не имеет инструментального определения с чётко сформулированными допущениями и переменными. В статье анализ концепта онтологической безопасности выстроен по двум направлениям: сначала рассматривается широкий спектр интерпретаций, делается упор на отсутствии инструментального определения концепта и предлагаются необходимые параметры подобного определения. В рамках второго направления авторы рассматривают способы достижения государством онтологической безопасности через триаду следующих действий: принятия роли другого (от внешней среды, в которую вовлечён субъект); навязывание своей роли субъектам, с которыми происходит взаимодействие; и разрыва отношений с контрагентом (средой). На всех стадиях поиска онтологической безопасности субъект пытается либо принять нормы и практики, по которым происходит взаимодействие со средой, либо заново определить своё положение в реализуемых отношениях с контрагентами.

В выводах даётся искомое определение, а также отмечается, что концепт онтологической безопасности придаёт конструктивизму помимо методологического значения ещё и способность описать логику поведения государств на международной арене: государства стремятся быть вовлечёнными в процесс строительства интересубъективной реальности с контрагентами и определять совокупность норм, практик и свой статус, выстраивая общее коммуникативное знание с «другим». В противном случае поведение государства может отличаться иррациональностью. Важным элементом теории выступает необходимость избегать ситуаций дилеммы онтологической безопасности: государство проецирует собственную, как правило, охранительную реальность, что, однако, не обеспечивает онтологическую безопасность и может потенциально провоцировать дальнейшую эскалацию кризисных отношений.

Ключевые слова: онтологическая безопасность, конструктивизм, идентичность, норма, рутинная практика, социальные связи, интересубъективность, личностное я, другой.

УДК: 327.3

Поступила в редакцию: 22.05.2019 г.

Принята к публикации: 19.10.2019 г.

Концепция онтологической безопасности (ОБ) становится всё более заметной в русле общего концептуального поля исследования проблем безопасности.

По мере того, как вместо практики гуманитарных интервенций 1990-х гг. мир снова возвращается в эпоху опосредованных войн, в теоретическом дискурсе несколько снижается значение концепции «человеческой безопасности» (или «безопасности личности») (англ. *human security*) (Худайкулова 2015). В западном академическом сообществе на ведущие позиции выходят так называемые теории онтологической безопасности (англ. *ontological security*), находящейся в плоскости пересечения проблематики идентичности и безопасности. Будучи продуктом преимущественно конструктивизма, теория онтологической безопасности отличается междисциплинарным характером и совмещением наработок из психологии, социологии, исследований мира и конфликтов.

В отличие от реалистов, утверждающих, что государства стремятся в первую очередь к безопасности и выживанию (Mearsheimer 2001: 136), исследователи данной области настаивают (Mitzen 2006a: 273), что чувства физической безопасности недостаточно для нормального функционирования государства на международной арене, ввиду чего государства стремятся к «безопасности самости» и государственной идентичности. Многие эксперты (Sebeci 2019; Homolar, Scholz 2019) утверждают, что в условиях даже практически абсолютной безопасности (например, в случае с США) государства испытывают психологические, а также идеационные стимулы к, казалось бы, иррациональным шагам: наращиванию вооружений и внешнеполитическим авантюрам (Epstein 2007: 16).

Когнитивный диссонанс, чувство онтологической незащищённости и, соответственно, неопределённости могут спровоцировать совершенно разные по своему характеру явления и процессы: смена внутреннего политического порядка, подрыв сложившейся идентичности и социальных отношений, эффект глобализации и пр. В подобных условиях актор будет пытаться восстановить когнитивную последовательность, своё чувство «себя», ощущение уверенности и онтологическую безопасность, главным образом через опору на рутинные и в этом смысле привычные взаимодействия (Mitzen 2006a; Kinvall 2004).

В статье ставятся следующие исследовательские вопросы: что такое онтологическая безопасность? Кто выступает её субъектом? Когда государства становятся мотивированы обеспечением онтологической безопасности? Как происходит процесс формирования ОБ государства?

Целью работы является обзор основных понятий, используемых в международно-политическом дискурсе в контексте определения концепта онтологической безопасности.

Генезис концепции онтологической безопасности

Традиционно термин «онтологическая безопасность» применялся в психологии и социологии для определения того, насколько человек может ощущать

безопасность в своём существовании и чувстве «себя». Впервые данный термин в его широком и междисциплинарном преломлении был предложен социологом Э. Гидденсом (1986), который в свою очередь заимствовал его из работ по онтологической уверенности психиатра-экзистенциалиста, лидера антипсихиатрии Р. Лэйнга (Laing 1960). Онтологическая безопасность, по Э. Гидденсу, определяется как «конфиденциальность или доверие, которые являют собою природный и социальный миры, включая базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности» (Гидденс 2005: 499). То есть речь идёт о понимании социальной реальности в простых и предсказуемых для людей категориях. Люди склонны к обеспечению безопасности личностного «я». Но подобные ощущения определённости и стабильности они хотят проецировать и на внутренний общественный порядок, и международную систему в целом¹. В итоге люди ощущают себя в безопасности тогда, когда чувствуют порядок и предсказуемость своего места в социуме, стране, регионе, мире.

Акторам свойственна бессознательная потребность в экзистенциальной безопасности, которая в свою очередь вытекает из психологической потребности в рутинизации жизни². Онтологическая безопасность, таким образом, поддерживается благодаря рутинным практикам повседневной жизни, которые составляют большую часть социальных действий. Так как часть идентичности актора формируется в результате взаимодействия с другими, именно рутины помогают поддерживать стабильное взаимодействие и, следовательно, идентичность. Образцы поведения повторяются, и на этом основании происходит воспроизводство социальной системы, норм и пр. Процесс обеспечения онтологической безопасности заключается в борьбе за вовлечённость в процесс конструирования социальных норм и нормативного положения в рамках той реальности, в которой действует актор.

Необходимым условием обеспечения и поддержания онтологической безопасности выступает доверие, отсутствие которого провоцирует чувство неопределённости, которое в свою очередь обостряет кризисные ситуации. Любые непривычные и деструктивные события влияют на сущность рутинности, формируют тем самым ощущение ненадёжности и приводят к онтологической незащищённости. В этом случае актор вновь оказывается в ситуации, когда вынужден вернуться к рутинным взаимодействиям, чтобы восстановить своё чувство «себя» и в итоге – онтологическую безопасность.

¹ Так, Э. Гидденс полагает, что «в большинстве случаев в социальной жизни смысл онтологической безопасности обычно заключается в таких знаниях об окружающем мире, при которых взаимодействие с ним было бы максимально “беспроblemным” и воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Нетрудно понять, почему должна существовать тесная связь между поддержанием онтологической безопасности и рутинным характером социальной жизни». См. подробнее: (Giddens 1979: 219).

² Э. Гидденс подразумевает под рутинизацией «привычный, воспринимаемый как данное характер большинства социальных действий; преобладание привычных стилей и форм проведения, управляющее ощущением онтологической безопасности, равно как и управляемое им» (Гидденс 2005: 501).

В данном случае интересна оценка арабо-израильского конфликта, данная в своё время научным директором Датского королевского колледжа обороны Ф.С. Хансеном³. Он описывает суть многолетнего конфликта как столкновение сообществ, стремящихся сохранить собственные представления о себе, в том числе через устойчивое конфликтное противостояние друг другу, которое в итоге превратилось в рутинную поведенческую модель. В данном случае самоидентификация двух сторон конфликта диктуется преимущественно национальной историей и прежними идентичностями.

Благодаря расцвету конструктивизма концепт онтологической безопасности из области социологии переместился в сферу международных исследований. В конце 1990-х гг. Джеф Хейсманс обратил внимание на то, что международно-политическая наука по большей части незаслуженно игнорирует проблематику онтологической безопасности (Huysmans 1998: 242). В его понимании, безопасность может быть определена как внутреннее состояние «самости», «фиксирующее социальные отношения в определенном порядке символов и институтов» (Huysmans 1998: 242-243).

А. Вендт в свою очередь сформулировал дальнейшую повестку социо-логического наполнения международных отношений, задавшись вопросом: «Если соотношение государства с личностью всего лишь уловка нашего сознания, почему её использование так хорошо нам помогает разобраться в международной политике?» (Wendt 2004: 290). В своих рассуждениях об онтологической безопасности он указывает на «потребность человека в онтологической безопасности, которая транслирует человеческие предпочтения к порядку и предсказуемости в постоянное стремление к ним» (Wendt 1987: 385; Wendt 1999: 131, 339). По-своему инкорпорировали концепт онтологической безопасности и другие исследователи-конструктивисты. Так, Б. МакСвини подчеркивает в значении концепта стремление к социализации (McSweeney 1999), тогда как Т. Хопф говорит о стремлении субъектов определиться с общим полем знаний (Horf 2013: 9).

На сегодняшний день теория онтологической безопасности находится главным образом в поле зрения конструктивизма. Вплотную разработками в этом направлении занимаются такие учёные, как Дж. Митцен (Mitzen 2018; Mitzen 2006b; Mitzen 2011), Б. Стили (Steele 2005; Steele 2008; Steele 2019), К. Кинвалл (Kinnvall, Manners, Mitzen 2018; Kinnvall, Mitzen 2018; Kinnvall 2004; Kinnvall, Mitzen 2017), А. Зараколь (Zarakol 2010; Zarakol 2017; Zarakol 2011), Ф. Эйджус (Ejdus 2017), Б. Румели (Rumelili 2015).

Теория и практика онтологической безопасности

Вплоть до последнего времени по проблематике онтологической безопасности выходили лишь отдельные статьи, знакомые отраслевым экспертам.

В 2010 г. в Московском центре Карнеги состоялась лекция Ф.С. Хансена на тему «Россия и поиски онтологической безопасности». См. подробнее: Хансен Ф.С. Россия и поиски онтологической безопасности. URL: <https://carnegie.ru/2010/11/18/ru-event-3130> (дата обращения 25.11.2019)

Популяризации данного направления способствовал выход в 2017-2018 гг. сразу в нескольких ведущих научных журналах мира специальных номеров, посвящённых онтологической безопасности, приглашенными редакторами в которых стали исследователи Дж. Митцен из Университета штата Огайо (США) и К. Кинвалл из Лундского университета (Швеция). Так, в №1 за 2017 г. журнала Нордической Ассоциации международных исследований *Cooperation and conflict* вышел специальный выпуск по онтологической безопасности со вступительной статьей Дж. Митцен и К. Кинвалл (Kinnvall, Mitzen, 2017). В №3 за 2018 г. журнала *European Security* был размещён выпуск на тему «Онтологическая (не)-безопасность в ЕС», где авторами вступительной статьи также стали Дж. Митцен, К. Кинвалл и Я. Мэннерс (Kinnvall, Mitzen, Manners 2018). В №4 за 2018 г. журнала Центральной и Восточноевропейской Ассоциации международных исследований *Journal of International Relations and Development* также вышел выпуск, посвящённый проблематике онтологической безопасности со вступительной статьей Дж. Митцен и К. Кинвалл (Kinnvall, Mitzen 2018).

Отметим, что выбор журналов не случаен – с одной стороны, скандинавская школа конфликтологии задаёт тон в исследованиях международных конфликтов в мире (Худайкулова 2015), с другой стороны – Европа в целом, и ЦВЕ в частности, – это как раз тот регион, который за последние годы пережил кардинальное переформатирование пространства безопасности (расширение НАТО на восток), которое сложно концептуализировать в традиционных терминах реализма (Mearsheimer 1990), ведь сегодня бывшие стратегические противники из Североатлантического альянса уже являются для многих стран, ранее входивших в Восточный блок, основными гарантами безопасности. Теория онтологической безопасности может стать полезным инструментом в анализе того, каким образом конфликту между Восточной и Западной Европой, разделёнными железным занавесом, был положен конец. Государства с общей историей, культурой, а также практиками демократий не воспринимали друг друга «внутренними» врагами, что позволило без трудностей заручиться поддержкой новых европейских стран (и, напротив, можно привести примеры, когда для идентичности стран НАТО конфликт в Югославии стал потрясением, на которое нельзя было не отвечать (Steele 2008: 125). А восприятие НАТО как угрозы относится к «пережиткам холодной войны» и порождениям коммунистической пропаганды. Таким образом, концепция онтологической безопасности, в которой отдаётся приоритет политическим практикам и статусам, показывает, каким образом возможен отказ от восприятия безопасности только лишь в физических терминах (Steele 2005).

Примечательно, что в отечественной международно-политической науке практически нет работ по онтологической безопасности, а среди русскоязычных – значительную долю составляют работы коллег из СНГ, в том числе из Украины (Дурманенко 2012), Таджикистана (Кадыркулова 2016), Казахстана (Ким 2018). В редких работах отечественных исследователей онтологическая

безопасность рассматривается исключительно в контексте зарубежного научного дискурса (Елфимова 2018).

Субъект онтологической безопасности

Теория онтологической безопасности не даёт чёткого и однозначного ответа на вопрос о субъектности. Одни ставят во главу угла личность, другие – общество, третьи – государство (правительство). Взаимодействие в конфигурации люди – общество – государство происходит по линии совместного оформления дискурса и рутинных практик, которые помогают поддерживать самоидентичность. Поэтому при освещении вопроса используются все три категории, которые в нашем случае вполне взаимозаменяемы.

По мнению Э. Моравчика, «фундаментальным актором в мировой политике являются индивиды и группы интересов» (Moravcsik 1997: 515). Данный тезис, тем не менее, не совместим с видением представителей структурного конструктивизма (Horf 2013: 10), которые полагают, что не существует такого понятия как идентичность, присущая только «группе интересов» (англ. *private identity*), она всегда более общая и является как бы продолжением идентичности населения (Horf 2013: 18).

Напротив, Копенгагенская школа МО, благодаря которой в понятийный аппарат был введён термин «секьюритизация» (англ. *securitization*), в качестве объекта безопасности выделяет нацию (Buzan, Waever, Wilde 1998: 2-3), или социальную общность, утверждая, что безопасность имеет отношение, прежде всего, к социальным общностям (обществам) и только потом – к индивидам (Buzan 1991: 19-35). Одним из пяти предложенных секторов безопасности выступает социальная безопасность, связанная с обеспечением существования больших групп, разделяющих общую идентичность и формирующих на этом основании безопасность идентичности (Buzan 1991: 120). Её разрушение приводит к неспособности социальной общности существовать в качестве «мы». Школа реализма по-прежнему смотрит на данный вопрос через призму классического подхода, полагая, что содержание безопасности определяется в конечном итоге исключительно национальными интересами государства. Поэтому в современной системе основным объектом безопасности необходимо всё же считать государство.

Концепция ОБ отвечает, главным образом, за психологические и социальные детерминанты поведения государства. И в этой логике в качестве субъекта анализа и проводника государственных интересов выступает глава государства. То есть, по сути, отправной точкой является идентичность политического лидера, формирующая его собственную картину и ощущение мира. В этой логике важна степень его автономности в определении внешнеполитической стратегии. Проблема социальной идентичности государственного деятеля рассматривается через поиск ответов на три вопроса: *с кем я конструирую реаль-*

ность? Что представляет норму в данной реальности, и какими практиками она устанавливается? Кто я в данной реальности?

То есть происходит постоянный процесс оценки себя по отношению к другим на фоне присутствия в системе других государств. В случае если идентичность государственного деятеля (и группы интересов) и формулируемая ими политика идёт вразрез с идентичностью населения, совсем не очевидно, в чью пользу разрешится конфликт идентичностей⁴.

Наиболее остро в дилемме онтологической безопасности государства проявляется проблематика взаимодействия по линии элита – население. В случае если отношения государства с контрагентом выходят за рамки онтологической безопасности, правительство всегда может сформулировать дискурс «осаждённой крепости», тем самым легитимизируя свой изоляционизм и укрепляя дискурсивное противостояние с другим. Это всегда менее затратно, нежели политика диалога и коммуникативного поиска «области общего знания» с контрагентом, что может скомпрометировать элиты на внутривнутриполитическом поле⁵.

Концепция онтологической безопасности: вариативность интерпретаций

Теория онтологической безопасности находится в фокусе двух магистральных линий, связанных с противоречием агента и структуры⁶. В этой логике онтологическая безопасность понимается как: 1) продукт такой организации социальных связей, в рамках которой сохранялась бы гармоничность и целостность дискурса государства (агентское понимание) (Zarakol 2010; 2017); 2) средство обеспечения безопасности идентичности агента от структуры (структурное понимание) (Kinnvall, Mitzen 2017; Krolikowski 2018).

Исходя из того, что теория интерпретируется на разных уровнях анализа, поиск мотивационной составляющей государств в обеспечении ОБ может проходить в четырёх измерениях: во-первых, в формате внешнеполитического пространства, структурируется межгосударственными отношениями; во-вторых, в формате внутривнутриполитического пространства, структурируется функционированием институтов; в-третьих, в формате внешнеполитического пространства, но структурируется внутривнутриполитическим функционированием

⁵ По мнению представителя американской школы конструктивизма Т. Хопфа, причиной провала реформ президента РФ Д.А. Медведева в 2008-2012 гг. стал именно конфликт идентичностей правительства и «здорового смысла» населения (Hopf 2013).

⁶ Например, правительство Порошенко на Украине активно эксплуатировало идею «российской агрессии», навязывая населению дискурс «осаждённой крепости» и непопулярные меры. Соответственно, опция нормализации отношений с Россией ставила бы политический истеблишмент в трудное положение на внутривнутриполитическом поле. См. подробнее: Порошенко заявил, что Украине нужен «холодный мир» с Россией. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6054207> (дата обращения: 25.11.2019).

⁶ А. Вендт сформулировал два подхода в форме «истин» (англ. *truths*): 1) люди и их организации являются целеустремлёнными/целесообразными (англ. *purposeful*) существам; 2) общество состоит из социальных связей, формирующих, структурирующих взаимодействие между этими целеустремлёнными/целесообразными существами. См. подробнее: (Wendt 1987: 337).

институтов; в-четвёртых, в формате внутривнутриполитического пространства, но структурируется влиянием внешнеполитической среды на субъект.

Несмотря на разность подходов, представители всех четырёх измерений обусловленности ОБ пытаются нащупать новые ответы на старые вопросы: *как решить проблему анархии в международных отношениях? Как объяснить поведение государств (в том числе нарушающих нормы)? Как по-новому посмотреть на дилемму безопасности? Как объяснить причины конфликтности в международной среде?*

Итак, рассмотрим *первое* измерение определения ОБ. Государства ощущают потребность в обеспечении онтологической безопасности, главным образом, в рамках внешнеполитического поля взаимодействия. Так, Дж. Митцен в качестве первостепенных выделяет социологические факторы, возникающие в процессе взаимодействия государств, которые формируют их понимание международной среды и ожидания относительно нее (Mitzen 2006b: 335): «Помимо физической безопасности государства стремятся к обеспечению онтологической безопасности, которая отвечает за безопасность личностного “я”, субъективного самовосприятия, мотивирующего государства совершать тот или иной набор поступков на международной арене» (Mitzen 2006b: 344). Иными словами, то, как государства видят других и как они понимают и воспринимают реальность межгосударственного бытия, состоящую из других, влияет на их онтологическую безопасность. Работы Дж. Митцен разных периодов не отличаются однородностью. Исследование 2006 года затрагивает преимущественно структурный уровень анализа, если оперировать категориями А. Вендта: «Напротив, я указываю, что источник конфликта государств следует искать между [*in-between*] государствами, то есть в рамках теории третьего уровня» (Mitzen 2006b: 343). Чтобы продемонстрировать взаимосвязь поиска онтологической безопасности с мотивацией государства, Дж. Митцен рассматривает межгосударственные отношения через переосмысление дилеммы безопасности. Автор использует кейс мирного процесса в Осло, когда Израиль всё-таки пошёл на мирное разрешение конфликта с Организацией освобождения Палестины, поскольку это соответствовало его онтологической безопасности.

Ко *второму* измерению следует отнести исследования внутривнутриполитического обеспечения онтологической безопасности без упоминания экзогенных факторов. В частности, подобные характеристики содержатся в работе А. Зараколь «Государства и онтологическая безопасность: историческое переосмысление», где автор исходит из допущения, что суверенность как таковая заключается в способности государства обеспечить онтологическую безопасность населения. Из этого вытекает, во-первых, что «политический институт как то, что обеспечивает онтологическую безопасность, не является «вневременным» элементом сосуществования человечества, но разновидностью политической власти, сформировавшейся в конкретных политических условиях»; во-вторых, что «внутри любого общества институты могут конкурировать за привилегию обеспечения

онтологической безопасности населения»; в-третьих, «на основании критерия обеспечения онтологической безопасности во времени и пространстве можно сравнивать социумы, институты и государства» (Zarakol 2010: 5-7). Автор выделяет три институциональных способа обеспечения онтологической безопасности населения в рамках анализа государств разных эпох от доосевого времени до Средневековья, Нового и Новейшего времен: А – гиперсуверенность, Б – разделённую суверенность, В – современную суверенность⁷.

Далее обратим внимание на *третье* измерение. В отличие от межгосударственного и внутригосударственного подходов Б. Стили обращает внимание на то, как внутриполитические практики государства отражаются на его понимании среды. Анализ Б. Стили преимущественно сфокусирован на выстраивании нарративной автобиографии государства, а также на анализе его самоидентичности, коллективной памяти и категории стыда, воспроизводимых в государстве и толкающих его на борьбу с онтологическими вызовами среды. По мнению автора, только стабильное понимание своего нарратива в его рефлексии внешней среды гарантирует онтологическую безопасность государства по отношению к внешней неопределённости: «Опасение за собственную идентичность, возникающее у государства, не обязательно должно исходить от другого. Трансформативные возможности возникают не только из диалектики субъект – другой, но также в результате внутренней диалектики, возникающей из социокультурных аспектов в самом государстве» (Steele 2008: 32). Б. Стили подчёркивает эндогенный характер идентичности, мотивирующий поступать так или иначе на международной арене. Вызов самоидентичности государств формируется средой (Steele 2008: 124). Государства, с одной стороны, ограничены (в том числе и собственными историями, формирующими поле автобиографического нарратива) в рамках данной идентичности, а с другой – среда «делает возможным» реакцию государств на данный вызов, как в случае с «гуманитарной интервенцией» НАТО в Косово (1999). В этом ключе любопытна оценка автора популярных *YouTube* видео, на которых военные США возвращаются с войны

⁷ Гиперсуверенность описывается через опыт Египетского царства, когда «закон и справедливость имели различные источники (божественное и человеческое), однако соединялись в воле фараона, вершившего судьбы людей на основании божественной справедливости и человеческих законов. Во многом фараон Древнего Египта напоминает шмиттовского суверена» (Zarakol 2017: 53). Разделённая суверенность соотносится с большинством постсоветских сообществ, где религиозная власть одержала верх над политической, однако степень данного превосходства варьируется. В каком-то смысле политическая власть превратилась в «обслужу» религиозного авторитета и, тем самым, лишилась возможности обеспечивать ОБ населения. Правосудие, законотворчество стало «делом божьим» (Zarakol 2017: 54-56). В современном смысле политическая власть перестала быть суверенной. Переломный этап в формировании третьего типа суверенности автор относит к эпохе Реформации. Во-первых, сам раскол церкви показал, что в прежде универсальном учении существуют серьёзные изъяны, и определённая легитимность института была расшатана. Во-вторых, и католическая церковь, и реформаторы, искавшие поддержки у политической власти для поддержки своей легитимности, в итоге были национализированы политической властью. В-третьих, реформаторское богословие не отрицало подчинённость церкви государственной власти. Реформация также спровоцировала всевозможные интерпретации учения, что окончательно подорвало универсальность религиозной власти (Zarakol 2017: 57-61).

домой и встречают своих детей (Steele 2019). Подобные видео демонстрируют своеобразную онтологическую незащищённость США в роли глобального борца с терроризмом: они символизируют неспособность элит решить вопрос асимметричных войн быстро и эффективно, демонстрируют усталость солдат воевать за эфемерные и пространные цели, а также служат «своеобразным парадом победы» для простых военнослужащих, не удостоившихся официальных почестей со стороны правительства США (Steele 2019).

Наконец, в рамках *четвёртого* измерения, по-другому подходит к проблематике онтологической безопасности К. Кинвалл, которая отводит приоритетное место влиянию глобализации на онтологическую незащищённость государств. При анализе онтологической безопасности государства невозможно изъять и рассмотреть чистую самоидентичность агента в отрыве от интерпретируемой им структуры: «Глобализация стимулирует отрицание и сопротивление представителей традиционных течений, потому что секьюритизированная реальность становится приоритетом людей, чувствующих неопределённость своего социального и экономического положения» (Kinnvall 2004: 763). Гарантом онтологической безопасности государств выступают, по мнению исследователя, религия и национализм, «являющиеся мощным проводником различного спектра верований (дискурсов) и историй, способных сформировать у граждан чувство безопасности, чувство “дома”, защищающего от злоумышленников» (Kinnvall 2004: 763). Такого же подхода придерживается в более ранних работах А. Зараколь, описывая, например, истоки отрицания преступлений, совершенных Японией и Турцией во время Первой и Второй мировых войн соответственно через анализ, во-первых, идентичности данных государств и, во-вторых, вопросов понимания субъектами международной среды. По мнению автора, распространение западных норм и ценностей повлияло на идентичность Турции и Японии, которые в случае признания преступлений прошлого, пошли бы вразрез изменённой, европеизированной идентичности (в рамках дискурса которой преступления против человечности порицаемы) и тем самым признали бы себя в позиции «варвара» (Zarakol 2010: 16). К категории работ, в которых среда преимущественно влияет на субъект, относится публикация Дж. Митцен 2018 г., в которой автор рассматривает влияние миграционного кризиса на онтологическую безопасность ЕС. Онтологическая безопасность ЕС, по Дж. Митцен, определяется «взаимозависимостью» субъективного, интересубъективного и материального влияния миграционного кризиса на Союз, который формирует внутривнутриполитический дискурс безопасности европейской идентичности (Mitzen 2018: 1375-1376). «Онтологическая безопасность – это своеобразное ощущение себя дома» (Mitzen 2018: 1375-1376), на которое воздействует среда и формирует идентичность субъекта.

Итак, теория онтологической безопасности, будучи всецело продуктом конструктивистской мысли, по-разному интерпретируется даже внутри, казалось бы, единого подхода. Одна часть работ представлена в систематизирующем

ключе, другая выглядит, скорее, как отдельный концепт, в гносеологическом поле которого заключены либо описание нормативного положения акторов на международной арене по отношению друг к другу/окружающей среде, либо проблема воспроизводства самоидентичности государств на внутривнутриполитической арене.

На наш взгляд, гносеологическое поле теорий ОБ обладает следующим набором преимуществ. Во-первых, теории способны описать непохожую ни на реалистскую, ни на либеральную логику поведения государств на международной арене, используя набор концептов и методов (дискурс-анализ) конструктивизма, выводя его из разряда «методологии» в разряд теории, описывающей логику поведения государств (стремление «обезопасить» свою идентичность, отвечать на вызовы неопределённости). Это ставит новые вопросы в теории международных отношений, касательно главенства материальных факторов безопасности над нематериальными. Во-вторых, как справедливо замечают Дж. Митцен и К. Кинвалл (Kinnval, Manners, Mitzen 2018), теории ОБ формулируют новую повестку в исследовании влияния глобализации на уровень международной конфликтности: насколько глобализация способна породить чувство онтологической незащищённости и спровоцировать новые вызовы идентичности, а также является ли «вызов идентичности» своеобразной преградой к высоким формам интеграции и формированию в будущем глобального сообщества безопасности/экономической взаимозависимости?

Современное исследовательское сообщество пока не приблизилось к единому пониманию и трактовке концепта ОБ. В этом смысле понятийный аппарат оперирует *теориями* ОБ, которые отличны друг от друга и заточены под разный набор исследовательских вопросов. Далее мы постараемся представить собственный взгляд и определение теории, которые, мы полагаем, способны «примирить» разность подходов к описываемой теории.

Обеспечение онтологической безопасности государств: когда и почему?

Существующие исследования онтологической безопасности имеют ряд важных недостатков. Во-первых, далеко не все исследователи подходят к рассмотрению данной проблематики с позиции анализа широкого пласта мирополитических процессов. Часть авторов рассматривает исключительно внутривнутриполитические практики государств, другая изучает влияние на них среды. Во-вторых, исследователи не всегда концентрируются на определении того, когда у государства возникает потребность в обеспечении онтологической безопасности.

Первая проблема решается её рассмотрением в рамках подхода, отражённого в ранних работах Дж. Митцен, где проблематика ОБ рассматривается через анализ факторов, находящихся, что называется, *in-between states* (Mitzen 2006b: 354). Онтологическая безопасность – это состояние, возникающее между субъ-

ектом и его контрагентом: государством, сообществом государств или негосударственным актором. Любое рассмотрение ОБ как состояние «дома», внутреннего пространства государства, имеет право на существование, однако это удел социологов и политических психологов. Определение внешнеполитического курса государства через анализ исключительно «домашнего» дискурса затратно и неточно.

Подход к решению второй проблемы более сложный. Концепт описывает определённую форму кризиса, с которым сталкивается идентичность субъекта⁸. При этом условия формирования вызова идентичности варьируются в зависимости от авторского понимания, что в итоге обостряет *проблему инструментальной несформулированности* чётко определённых переменных, отсутствие или наличие которых говорило бы о статусе «онтологического я» субъекта в его отношениях с другими субъектами международных отношений.

Проблема инструментального определения ОБ обнажает довольно слабо сформулированный на сегодняшний день уровень концепта: онтологическая безопасность – это состояние, при котором государства-контрагенты воспринимают себя в предсказуемых для них самих категориях. Однако все процитированные публикации по-разному трактуют категорию «предсказуемости», что делает концепт чрезвычайно абстрактным. Более того, большинство авторов, рассматривающих межгосударственные отношения с точки зрения данной теории, оперируют категорией неопределённости, что не вносит ясности в исследования. Отсутствие чётких «координат» в гносеологическом поле теорий онтологической безопасности требует дополнительных аналитических усилий в их уточнении.

⁸ Агентское понимание ОБ исходит из сохранения последовательности автобиографического нарратива, функционирования внутриполитических институтов и т.д. Более важным является структурное понимание ОБ (Ejdus 2017; Mitzen 2006b; Steele 2008). Релятивное понимание ОБ в межгосударственных отношениях не всегда чётко определено и, как правило, выражено через несоответствие реальности ожиданиям государств от международной среды с массой неопределённостей. Ввиду этого часть авторов прибегает к метафоре Э. Гидденса о т.н. «когнитивном коконе», находясь в котором субъект поддерживает последовательное самовосприятие – в нашем случае в рамках международных отношений – в качестве актора мировой политики (Giddens 1991: 40). Дж. Митцен уделяет пристальное внимание дилемме безопасности, которая, становясь рутинной, воспроизводит между государствами определённого рода социальную структуру, обоюдно разделяемую контрагентами. Государства, по мнению автора, будут скорее всего сохранять конфликтную конфигурацию двусторонних отношений, если она отвечает их ожиданиям от этих отношений. Например, сугубо конфликтный характер отношений сверхдержав во время холодной войны Митцен объясняет стремлением избежать неопределённости: «В период поздней холодной войны США и СССР, возможно, оба полагали себя в качестве обороняющейся стороны. С этой точки зрения, США хотели бы действовать оборонительно, но не были уверены, что Советский Союз не воспользуется такой политикой США. Учитывая такую неопределённость, США не могли позволить себе выразить свою истинную идентичность и были вынуждены неоднократно предпринимать действия, которые можно было бы рассматривать как наступательные (и агрессивные). И поскольку СССР не мог относиться к США как к обороняющейся стороне, оба государства перманентно находились в состоянии гонки вооружений, спорах о ракетах на Кубе и прокси-войнах в Афганистане и в других местах». (Mitzen 2006b: 356) Разделяя межгосударственный уровень анализа, мы полагаем, что связь между данной проблемой несоответствия реальности ожиданиям государств и онтологической незащищённостью требует уточнения. В противном случае в условиях априори анархической системы ОБ была бы попросту недостижима, если бы строилась на том, что реальность перестаёт соответствовать ожиданиям государств.

Ввиду наличия большого количества трактовок на сегодняшний день сообществу исследователей данной проблематики будет довольно затруднительно ответить на вопрос *«Когда государства озабочены поиском онтологической безопасности?»*. На наш взгляд, это возможно через формулирование «инструментального» определения, через фиксирование двух допущений и трёх переменных.

Допущениями служат следующие факторы: во-первых, онтологическая безопасность – это социально конструируемое состояние; во-вторых, в процесс его конструирования должно быть вовлечено не менее двух контрагентов. Переменными определения ОБ выступают нормы, практики и занимаемое положение, или статус, формирующие социально конструируемую реальность между контрагентами. Учитывая все «условия» определения концепта, можно предположить, что ОБ – это довольно редкое состояние, возникающее между государствами. Соответственно, когда практики, нормы и занимаемое положение взаимно конструируются и соотносятся с ожиданиями контрагентов, то состояние, возникающее между ними, можно охарактеризовать как онтологическую безопасность.

Данное определение свидетельствует о довольно важном аспекте касательно социальной жизни контрагентов на международной арене: оба субъекта отношений должны одинаково понимать и воспринимать «реальность», в которой они взаимодействуют. Используя язык культур анархий А. Вендта (Wendt 1999), образуется следующий ряд ситуаций: если оба государства одинаково понимают, что а) их контрагент не имеет права на наличие суверенитета, и б) единственным языком общения является война, то а) они живут в разделяемой гоббсовской культуре анархии, и б) это состояние характеризуется онтологической безопасностью контрагентов. С другой стороны, если а) государства по-разному смотрят на суверенитет друг друга, и б) их нормы и практики понимаются по-разному друг другом, то а) культура анархии между ними не может быть разделяемой (одно государство может находиться в мире Гоббса, другое – в мире Локка), и б) состояние отношений субъектов характеризуется поиском онтологической безопасности.

Онтологическая безопасность государств: поиск и формирование

Ответив на вопрос *«Когда государства мотивированы поиском онтологической безопасности?»* логично задать следующий: *«А что предпринимают государства для её обеспечения?»* Инструментальное описание состояния онтологической безопасности требует теоретической операционализации процесса поиска данной безопасности. В данной части исследования авторами выдвигается идея дорожной карты поиска ОБ государством, состоящая из трёх отдельных этапов.

Поиск онтологической безопасности может происходить через 1) процесс принятия субъектом роли от внешней среды, в которую он вовлечён; 2) навязывание своей роли субъектам, с которыми происходит взаимодействие;

3) разрыв отношений с данной средой. На всех трёх стадиях поиска онтологической безопасности субъект пытается либо принять нормы и практики, по которым происходит взаимодействие со средой, либо заново определить своё положение в реализуемых отношениях с контрагентами. Сразу заметим, что на третьем этапе, с нашей точки зрения, контрагент не может обеспечить себя искомым состоянием. Данную ловушку взаимоотношений мы называем *дилеммой онтологической безопасности*.

Стоит отметить, что схожие классификации взаимодействия контрагентов не раз использовались различными авторами (Greve 2018; Ringmar 1996; Ringmar 2012; Wolf 2011; 2014; Kompridis 2007) в социологических и политологических исследованиях. Большинство работ говорят о конфликтах за признание статуса контрагента, что, безусловно, имеет схожую, но не идентичную тематику нашим исследованиям. Так, в работах П. Грив, использующей четырёхчастную модель взаимодействия контрагентов в борьбе за статус (заимствование/реформа/отпор/разрыв), в большинстве случаев не исследуется роль норм и практик, что делает опять же проблематику более узкой: многие исследователи подчёркивают, что непризнание контрагента может вести к состоянию онтологической безопасности (Huysmans 1998). С нашей точки зрения, привнесение трёхчастной модели взаимодействия контрагентов по поводу статуса в теорию онтологической безопасности является чрезвычайно важным, и помимо П. Грив (Greve 2018) никем не использовалось. Это обогащает теорию и показывает все этапы, через которые контрагенты проходят в своём стремлении к онтологической безопасности.

На наш взгляд, рабочими этапами являются лишь два первых, третий, несмотря на то что к нему часто прибегают государства, не способен обеспечить онтологическую безопасность. Это отсылает нас к полемике с теми авторами, кто трактует ОБ как чувство «внутреннего пространства дома» государства (Mitzen 2018; Kinnvall 2004), или, как в знаменитой метафоре Э. Гидденса «когнитивного кокона» (Giddens 1991: 40). С нашей точки зрения, подобное ощущение не обеспечивает актора ОБ, потому что в отношениях элементарно отсутствует контрагент, с которым «реальность конструируется». Эта идея была разработана при анализе практик обеспечения дискурсивной безопасности в авторитарных государствах с опорой на работы М. Бехравеша (Behravesch 2018) и А. Кроликовски (Krolikowski 2018). Суть парадокса заключается в том, что государства, находясь в международной изоляции, стремятся обеспечить онтологическую безопасность через конструирование собственной реальности, что, однако, не обеспечивает их желаемым результатом. Актор в такой ситуации часто начинает эксплуатировать образ «осаждённой крепости» на внутриполитической арене для укрепления собственной легитимности.

Итак, поиск онтологической безопасности субъекта происходит прежде всего тогда, когда субъект вовлекается в процесс взаимного конструирования реальности со своим контрагентом.

Категоризация поиска субъектом онтологической безопасности с помощью адаптации, смены правил игры и разрыва помогает нам ответить на вопрос, каким образом он её обеспечивает: или принимает уже имеющуюся роль (гегемона, равного или младшего партнёра), адаптируясь к существующей структуре, или односторонне привносит новые для контрагента нормы и практики, навязывая свою роль и меняя правила игры (см. табл. 1). Разрыв отношений в стремлении найти онтологическую безопасность в действительности не предполагает поиск таковой, так как, исходя из наших допущений, процесс конструирования интересубъективной реальности характеризуется наличием как минимум двух контрагентов. Дилемма онтологической безопасности как раз и направлена на эти две альтернативы: 1) либо сформулировать «собственную реальность», в которой субъект предстает в образе осаждённой крепости, которой угрожает внешний мир, тем самым легитимируя любые внутрисполитические практики, 2) либо пойти на контакт с внешним миром и влиться в конструирование общего знания, пускай и конфликтного. Во многом эта дилемма была перед правительством Х. Рухани, заключившего «ядерную сделку» в 2015 г. с администрацией Б. Обамы, пойдя на колоссальные репутационные издержки внутри страны.

Таблица 1. Категоризация поиска онтологической безопасности

Table 1. Categorization of the ontological security search

Конфигурация	Действие	Пример
Адаптация	Принятие имеющейся роли: статуса подчинённого, интегрируемого, «младшего партнёра».	СССР и страны Восточного блока и КНР (до 1953 г.), Европейский союз и страны «Барселонского процесса», НАТО и страны «Восточного партнёрства»
Смена правил игры	Навязывание своей роли: активная роль в межгосударственных отношениях, попытки добиться «равного статуса», ведение переговоров о пересмотре двусторонних отношений, ведение военных действий.	Революция в Венгрии 1956 г., политика балансирования И. Тито по отношению к СССР, Бархатные революции 1989-1990 гг., внешняя политика СССР 1947-1953 гг.
Разрыв отношений	Разрыв отношений, изоляционизм под предлогом охранительной политики, дилемма онтологической безопасности: изоляция и формулирование охранительного дискурса или переход к коммуникативному действию с контрагентом.	Дискурс «российской агрессии» на Украине, дискурс «русификации» в России, дискурс «имперского Запада» в Иране, политика КНДР, попытка Великобритании выйти из состава Евросоюза.

Источник: составлено авторами.

Существующие на сегодняшний день подходы к определению понятия «онтологическая безопасность» имеют две важные особенности. Во-первых, существует довольно широкая вариативность определения понятия, что показано в авторском обзоре через четырёхуровневую классификацию работ. Во-вторых, часть авторов, отталкивающихся от классического описания концепта Э. Гидденсом (Гидденс 2005), рассматривает концепт как состояние, при котором

контрагенты определяют друг друга в предсказуемых категориях. Однако переменная предсказуемости является довольно широкой, отчего имеющиеся сегодня знания о понятии не могут дать ответа на вопрос: *«Когда контрагенты испытывают чувство онтологической незащищённости, и готовы ли они пойти на те или иные шаги для обеспечения своей безопасности?»*.

Итак, онтологическая безопасность – это разделяемое контрагентами знание о нормах и практиках, существующих в их отношениях, а также разделяемое ими понимание статусов друг друга. К преимуществу теории следует отнести её вклад в конструктивистскую парадигму: в её объяснение логики поведения государств. Ввиду того, что конструктивизм оставался, как некоторые считают, преимущественно методологическим инструментом (Алексеева 2014), исследователи данной области, как правило, занимались «картированием» идентичностей и ролей государств. Данная теория показывает, что государства способны защищать эти нормы и роли, а также, что более ценно для исследователей-теоретиков, навязывать их другим государствам, что и является, по преимуществу, их логикой поведения. Так, например, реализм способен предложить базовую логику поведения государств, что, безусловно, определяет его ценность именно в прикладном качестве: государства балансируют, в структуре международных отношений происходит непрерывное распределение материальных возможностей, государства нацелены на максимизацию собственной материальной силы и мощи. Либеральная теория также породила широкую инструментальную базу описания логики внешней политики государств: государства стремятся к защите прав человека, обеспечению глобального мира, формированию единого подхода к соблюдению социальных норм, кооперации в региональных и глобальных институтах, а также, по выражению Дж. Миршаймера, к продвижению стратегии «либеральной гегемонии» (Mearsheimer 2018). Так, в своё время теория безопасности человека, а впоследствии и ответственность по защите были обоснованием вмешательства западного блока в процессы гражданских войн в Югославии и Ливии.

В теории ОБ с особенной важностью подчёркивается, насколько иррационально может вести себя государство, оставшееся без чёткого понимания норм и своего статуса (занимаемого положения) в конфигурации отношений с контрагентом. Ещё более важным моментом теории выступает необходимость избегать ситуаций дилеммы онтологической безопасности: государство проецирует собственную, как правило, охранительную реальность, что, однако, не обеспечивает её онтологической безопасностью от контрагента и может потенциально толкать на дальнейшую эскалацию кризисных отношений.

Об авторах:

Александра Викторовна Худайкулова – кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО. E-mail: alexan-dra_77@mail.ru.

Никита Яковлевич Неклюдов – эксперт Группы стратегического маркетинга МГИМО. E-mail: nehkludow96@gmail.com.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31389 «Традиционные и восходящие центры силы: дискуссии относительно суверенитета и управления конфликтами»

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Received: May 22, 2019
Accepted: October 19, 2019

The Concept of Ontological Security in International Political Discourse

A.V. Khudaykulova, N.Y. Neklyudov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia

Abstract: The article studies “ontological” security concept. In a general sense the term depicts expectations of a state about its stable and predictable relations with counterparts. With the term gaining theoretical sway in constructivism since the 21st century, we argue, that it still lacks instrumental definition with fixed assumptions and variables. The analysis of ontological security is conducted in twofold manner. First, we overview the broad range of interpretations, demonstrate the absence of an instrumental definition of the concept and suggest some parameters of such a definition. Secondly, we study the ways how a state can gain ontological security. Three options of achieving ontological security are being presented: adaptation (assuming the role of ‘another’ from the external environment); change of rules (imposing its own role on the subject with whom the interaction occurs); and the breach of relations. At all these stages, the state tries either to adopt the norms and practices by which it interacts with the environment, or to redefine its position in ongoing relations with counterparties. We conclude by presenting a sought definition of the term and by arguing that the concept enhances the constructivist contribution to the IR theory since it allows to define the logic of states’ behavior in international arena. Thus, states seek to be socialized into an intersubjective reality and to define norms, practices and status through forging common and communicative knowledge with ‘other’. Otherwise, the state’s behavior could be irrational. Theory emphasizes the need to avoid situations of the ontological security dilemma: the state projects its own, mostly protective reality, which, however, does not provide it with ontological security from the counterparty and could potentially push for further escalation of crisis interactions.

Key words: ontological security, constructivism, identity, norm, routine practice, social relations, intersubjectivity, self, other.

About the authors:

Alexandra V. Khudaykulova – Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Applied Analysis of International Problems, MGIMO-University.
E-mail: alexandra_77@mail.ru.

Nikita Ya. Neklyudov – Expert, Strategic Marketing Group, MGIMO-University.
E-mail: nekludow96@gmail.com.

Acknowledgements:

The reported study is funded by RFBR and EISR, project No. 19-011-31389 “Traditional and ascending centers of power: discussions regarding sovereignty and conflict management”.

Conflict of interests:

Authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Applebaum A. 2013. *Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe, 1944-1956*. Anchor. 640 p.
- Behraves M. 2018. State Revisionism and Ontological (In)Security in International Politics: the Complicated Case of Iran and its Nuclear Behavior. *Journal of International Relations and Development*. 21(4). P. 836–857.
- Buzan B. 1991. *People, states and fear: An agenda for international security studies in the post-cold war era*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 318 p.
- Buzan B. Wæver O. Wilde J. de. 1998. *Security: a New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner. 239 p.
- Cebeci D. 2019. *Growing up Exceptional-The Waning American Century: The US' Withdrawal from the JCPOA Through the Lens of Ontological Security Theory*. Doctoral dissertation. The University of North Carolina at Chapel Hill.
- Ejdus F. 2017. Critical situations, fundamental questions and ontological insecurity in world politics. *Journal of International Relations and Development*. 21(4). P. 883–908.
- Epstein N. 2007. Explaining the War on Terrorism from an Ontological-Security Perspective. *MIT International Review*. Spring. P. 12-19.
- Giddens A. 1979. *Central Problems in Social Theory. Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis*. Berkeley: University of California Press. 294 p.
- Giddens A. 1991. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press. 264 p.
- Greve P. 2018. Ontological Security, the Struggle for Recognition, and the Maintenance of Security Communities. *Journal of International Relations and Development*. 21(4). P. 858–882.
- Homolar A., Scholz R. 2019. The power of Trump-speak: populist crisis narratives and ontological security. *Cambridge Review of International Affairs*. 32(3). P. 344–364.
- Hopf T. 2013. Common-Sense Constructivism and Hegemony in World Politics. *International Organization*. 67(2). P. 317–354.
- Hopf T. 2013. *Reconstructing the Cold War. The Early Years, 1945–1958*. Oxford: Oxford University Press. 291 p.
- Huszka B. 2017. Eurosceptic yet Pro-enlargement: the Paradoxes of Hungary's EU Policy. *Southeast European and Black Sea Studies*. 17(4). P. 591–609.
- Huysmans J. 1998. Security! What Do You Mean? From Concept to Thick Signifier. *European Journal of International Relations*. 4(2). P. 226–255.

- Kinnvall C. 2004. Globalization and Religious Nationalism: Self, Identity, and the Search for Ontological Security. *Political Psychology*. 25(5). P. 741–767.
- Kinnvall C., Mitzen J. 2017. An Introduction to the Special Issue: Ontological Security in World Politics. *Cooperation and Conflict*. 52(1). P. 3–11.
- Kinnvall C., Manners I., Mitzen J. 2018. Introduction to 2018 Special Issue of European Security: “Ontological (In)security in the European Union”. *European Security*. 23(3). P. 249–265.
- Kinnvall C., Mitzen J. 2018. Ontological Security and Conflict: the Dynamics of Crisis and the Constitution of Community. *Journal of International Relations and Development*. 21(4). P. 825–835.
- Kompridis N. 2007. Struggling over the Meaning of Recognition. A Matter of Identity, Justice, or Freedom? *European Journal of Political Theory*. 6(3). P. 277–289.
- Krolikowski A. 2008. State Personhood in Ontological Security Theories of International Relations and Chinese Nationalism: A Sceptical View. *The Chinese Journal of International Politics*. 2(1). P. 109–133.
- Laing R. 1960. *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*. London: Penguin. 224 p.
- McSweeney B. 1999. *Security, Identity, and Interests. A Sociology of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 239 p.
- Mearsheimer J. 1990. Back to the future: Instability in Europe after the Cold War. *International Security*. 15(1). P. 5–56.
- Mearsheimer J. 2018. *The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities*. Yale: Yale University Press. 368 p.
- Mearsheimer J. 2001. *The tragedy of great power politics*. New York: WW Norton & Company. 568 p.
- Mitzen J. 2006. Anchoring Europe's Civilizing Identity: Habits, Capabilities and Ontological Security. *Journal of European Public Policy*. 13(2). P. 270–285.
- Mitzen J. 2006. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma. *European Journal of International Relations*. 12(3). P. 341–370.
- Mitzen J. 2018. Feeling at Home in Europe: Migration, Ontological Security, and the Political Psychology of EU Bordering. *Political Psychology*. 39(6). P. 1373–1387.
- Mitzen J., Schweller R.L. 2011. Knowing the Unknown Unknowns: Misplaced Certainty and the Onset of War. *Security Studies*. 20(3). P. 2–35.
- Moravcsik A. 1997. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics. *International Organization*. 51(4). P. 513–553.
- Ringmar E. 1996. *Identity, Interest, and Action. A Cultural Explanation of Sweden's Intervention in the Thirty Years War*. Cambridge: Cambridge University Press. 236 p.
- Ringmar E. 2012. The International Politics of Recognition. *The International Politics of Recognition*. Ed. by Lindemann T. and Ringmar E. Boulder: Paradigm Publishers. P.3–23.
- Rumelili B. 2015. Identity and De-securitization: The Pitfalls of Conflating Ontological and Physical Security. – *Journal of International Relations and Development*. 18(1). P. 52–74.
- Steele B. 2005. Ontological Security and the Power of Self-Identity: British Neutrality and the American Civil War. *Review of International Studies*. 31(3). P. 519–540.
- Steele B. 2008. *Ontological Security in International Relations: Self-Identity and the IR State*. New York: Routledge. 208 p.
- Steele B. 2019. Welcome Home! Routines, Ontological Insecurity and the Politics of US Military Reunion Videos. *Cambridge Review of International Affairs*. 32(3). P. 1–23.
- Waltz K. 1979. *Theory of International Politics*. Long Grove: Waveland Press. 256 p.

Wendt A. 1994. Collective Identity Formation and the International State. *The American Political Science Review*. 88(2). P. 384-396.

Wendt A. 1999. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 420 p.

Wendt A. 1987. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization*. 41(3). P. 335-370.

Wendt A. 2004. The State as Person in International Theory. *Review of International Studies*. 30(4). P. 289-316.

Wolczuk K. 2016. Managing the Flows of Gas and Rules: Ukraine between the EU and Russia. *Eurasian Geography and Economics*. 57(1). P. 113-137.

Wolf R. 2011. Respect and Disrespect in International Politics: The Significance of Status Recognition. *International Theory*. 3(1). P. 105-142.

Wolf R. 2014. Treating Asian Nations with Respect: The Promises and Pitfalls of Status Recognition. *Global Discourse*. 4(4). P. 462-480

Zarakol A. 2011. *After Defeat: How the East Learned to Live with the West*. New York: Cambridge University Press. 312 p.

Zarakol A. 2010. Ontological (In)Security and State Denial of Historical Crimes: Turkey and Japan. *International Relations*. 24(1). P. 3-23.

Zarakol A. 2017. States and Ontological Security: A Historical Rethinking. *Cooperation and Conflict*. 52(1). P. 48-68.

Alexeyeva T.A. 2014. Think Like Constructivist: Discovering a Polyphonic World. *Comparative Politics Russia*. 1(14). P. 4-21. (In Russian)

Durmanenko A. 2012. Religion and Ontological Security: Analysis of Functionality in the Context of Structuration Theory. *Baltic Humanitarian Journal*. No. 1. P. 5-8. (In Russian)

Elfimova O.S. 2012. The Concept of Security in Western Modern Times Sociologic Theories. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 3. P. 35-41. (In Russian)

Giddens A. 2005. The construction of society. Outline of the Theory of Structuration. (Russ. ed.: Giddens A. *Ustroenie obshestva: Ocherk teorii structuracii*. Moscow: Akademicheskii prospect. 528 p.)

Istomin I. 2018. *Logica povedeniya gosudarstv v mezhdynarodnoi politike* [The Logic of States' Behaviour in International Politics]. Moscow: Aspekt Press. 294 p. (In Russian)

Kadyrkulova M. 2016. *Bezhency i ontologicheskaya bezopasnost' strany* [Refugees and Ontological Security of a State]. *Vestnik Sovremennoi Nauki*. No. 5. P. 132-134. (In Russian)

Khudaykulova A. 2016. Conflict Management in the new Century. Back to Proxy Wars. *International Trends*. 14(4). P. 67-79. (In Russian)

Khudaykulova A. 2015. International Conflict Studies as a Research and Teaching Area. *Vestnik RUDN. International Relations*. No. 3. P. 61-73. (In Russian)

Kim D.S. 2018. *K voprosu ob issledovanii ontologicheskikh konceptov bezopasnosti* [An Analytical Study of the Ontological Concepts of Security]. *Social'no-politicheskie nauki*. No. 5. P. 97-100. (In Russian)

Литература на русском языке:

Алексеева Т. 2014. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир. *Сравнительная политика*. № 14. С. 4-21.

Гидденс Э. 2005. *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. 2-е изд. Москва: Академический Проспект. 528 с.

Дурманенко А. 2012. Религия и онтологическая безопасность личности: анализ функциональности в контексте теории структуризации. *Балтийский гуманитарный журнал*. № 1. С. 5-8.

Елфимова О. 2012. Концепт безопасности в современных западных социологических теориях. *Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. Серия: социальные науки*. № 3. С. 35-41.

Истомин И. 2018. *Логика поведения государств в международной политике*. Москва: Аспект Пресс. 294 с.

Кадыркулова М. 2016. Беженцы и онтологическая безопасность страны. *Вестник современной науки*. № 5. С. 132-135.

Ким Д. 2018. К вопросу об исследовании онтологических концептов безопасности. *Социально-политические науки*. № 5. С. 97-100.

Худайкулова А. 2015. Международная конфликтология как наука и образовательная дисциплина. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. № 3. С. 67-73.

Худайкулова А. 2016. Новое в управлении международными конфликтами. *Международные процессы*. № 4. С. 67-79.